

ПРИХОДСКОЙ ЛИСТОК

Иоакимо - Анновского храма Можайского благочиния Московской епархии РПЦ
"Глаголь"

Священник Александр Дьяченко

С ЛЮБИМЫМИ НЕ РАССТАВАЙТЕСЬ!

Несколько лет назад я написал было текст с таким же названием. Потом понял, что написал, поддавшись чувствам, слишком резко и осуждающе. Стер. Но мысли на эту тему меня никогда не покидают. Потому что это моя ежедневная жизнь. Вот, попытался вновь ее озвучить.

У нас в поселке жила семья, муж с женой, обоим где-то под 40, и двое их детей: девочка лет 17 и мальчик порядка 10. Семья была на виду, держала небольшой продуктовый магазинчик. В церковь они не ходили. Одно время он попивал, но одумался: говорят, жену любил, боялся потерять. Он ездил на «девятке», а жена – на подержанной иномарке. Как-то сломалась у Татьяны машина, и ее отогнали на ремонт в соседний с нами городок.

Через пару дней в обеденный перерыв он заехал к ней на работу, и они вместе отправились ее забирать. Машину вел муж. Пока стояли и ждали на красный свет светофора, что как раз рядом с тамошней церковью, их машинку сзади слегка стукнули, и она, выкатившись на перекресток, угодила под грузовик. Татьяна сидела рядом с водителем, не пристегнувшись ремнем безопасности, и, по инерции вылетев через лобовое стекло, сильно ударилась об асфальт и погибла. Правда, сразу после аварии она еще дышала, и сердце билось вполне исправно. Говорили, будто ее можно было спасти, «скорая» вовремя доставила ее в больницу. Но то ли никого из хирургов не оказалось на месте, то ли главная наша российская беда вмешалась и не позволила скальпелю попасть туда, куда нужно, но женщина умерла прямо на операционном столе.

Татьяну многие знали и, я слышал, любили. Потому и не удивился, когда увидел, как много людей пришло в храм на отпевание. На ее мужа

было страшно смотреть. Он даже ходил как робот, не сгибая ног в коленях и шаркая, точно старик. В дни похорон мне с ним удалось поговорить. Я сказал ему: если она тебе дорога, знай, что любовь не умирает, – и просил молиться о жене и еще – держать себя в руках, ни в коем случае не позволять себе снова начать пить. Теперь он единственный в семье кормилец и для своих детей папа и мама в одном лице.

– Докажи свою любовь к жене заботой о детях, – говорил я ему, – ей это будет в радость.

Он клятвенно обещал исполнять всё, о чем я его просил. После похорон я его уже больше не видел.

И еще я обратил внимание. Несмотря на то, что проводить Татьяну в последний путь пришлось очень много людей, потом в поминальных записках я почти не встречал ее имени. Выходит, пришел народ на поминки, поел, попил, а потом взял и вычеркнул человека из памяти. На отпевании плакали, а во время сорокоуста я один ее и поминал.

Месяца через три случайно узнаю: муж Татьяны, распивая на берегу возле речки с друзьями, вдруг решил покончить с собой. Мол, чувство вины замучило. Пошел и нырнул вниз головой. Речку нашу в половодье воробей вброд переходит, так что бедолага просто свернул себе шею. Слава Богу, позвонки сломались так, что поддались лечению, но все равно с полгода он провалялся на больничной койке и долго потом еще не работал.

Об этой беде мне рассказала его дочь; она пришла помолиться о матери, смотрю: а пальтишко на ней совсем не по сезону. Подошел к ней. Спрашиваю:

– А живете на что?

– Я работаю, батюшка.

Она устроилась в детский сад музыкальным работником. Зарплата, конечно, маленькая, но, благо, бабушка делится своей пенсией.

– А пальто или куртка зимняя – хоть что-нибудь теплое у тебя есть?

Девочка пожимает плечами:

– Мама хотела купить, не успела.

Сколько было у Татьяны друзей, а о детях ее никто не вспомнил. Так горько стало. Представил, что передо мной не какой-то человек мне чужой, а мой собственный ребенок, перебивающийся впроголодь. Пошел, вывернул карманы, собрал все, что было, и отдал ей.

– Купи себе что-нибудь теплое. И вообще, приходите, не стесняйтесь. Уж чем-чем, а едой и одеждой мы вам всегда поможем.

Слезы.

На следующий день ее бабушка подходит ко мне в храме и громко так шепотом:

– Никогда, слышите, никогда больше так не делайте! Мы не нищие и в вашей помощи не нуждаемся!

Предложил прийти домой, пособоровать неудавшегося самоубийцу. Отказался. Разговаривать со мной не хочет. Теперь во всех его бедах виноват Господь Бог. Словно не он за рулем сидел, а Христос его машиной рулил. Раз авария случилась возле церкви – значит, Бог и виноват. А если бы Татьяна погибла возле пожарки, то виноватым был бы министр МЧС. А то, что убить себя собирался, так это все от «великой любви».

***

Любовь. В машине радио включишь – по всем каналам или про курс доллара, или про любовь. И так весь день. Домой приедешь – тебе по телевизору под эти же песни еще и танцуют. Какую книжку, журнал ни возьми – самая частая тема «любовь». Все это, конечно, красиво, но я вот что думаю: нет на земле любви, не земная это птица. Слишком высоко она парит, и мало кто с ней пересекается. Годами наблюдая в храме за людьми, я все чаще и чаще прихожу к этому выводу.

Ушел человек из жизни, родные плачут. Думаешь: эти точно станут приходить на панихиды. Ведь если над мертвым телом так убиваются, то о бессмертной душе непременно побеспокоятся. Но боль утраты когда-то притупляется, и до храма доходят единицы.

Давно замечаю: дети если и зайдут помянуть родителей, то, за редким исключением, всего-то раз-другой. На каждом отпевании я прошу не забывать о любви, этом единственном чувстве, что, полагая начало на земле, имеет продолжение в вечности. Точно не слышат.

Мужья о женах и наоборот, за редким исключением, почти не молятся. Если много лет прожили вместе, будут страдать, тосковать, но в церковь почему-то не идут.

Помню одного пожилого мужчину, который после смерти жены приходил на все литургии и панихиды все 40 дней. На моей памяти это был единственный человек, который так молился о своей любимой, – больше я таких случаев не знаю. Земные чувства обычно заканчиваются краем могилы, а любовь продолжается в вечности. Сейчас они оба упокоились у нас на

кладбище под одним общим памятником. Бывая рядом, всегда подхожу к их могиле. Разве можно пройти мимо тех, кто любит?

А если супруги молодые и вместе пожилы всего ничего, то порой забывают еще до 40 дней. Смотришь: две-три недели прошло, а уже с другой живет. Всеми силами стараюсь забыть ту, о которой обещал мне молиться всю жизнь.

Иоанн, апостол любви, говорит, что Бог есть любовь. А если нет в тебе благодати, то и любви в тебе нет и быть не может, как бы ты ни доказывал обратное. Любовь, как и Царство Небесное, дается в награду и усилием достигается.

Почему же мы, тем не менее, все время говорим о любви? Потому что уверены, будто имеем ее. Говорим, что любовь – чувство святое и оправдываем этим чувством порой самые бессовестные поступки. Почему он бросил жену, да еще и с детьми? Потому что «полюбил» другую. «Полюбил» – тогда все свято.

Когда я еще работал на железной дороге, то у одной работницы, женщины одинокой, погиб единственный 12-летний сын. Наша смена тогда работала в ночь. Кто-то позвонил и попросил ей сообщить. Весть о гибели мальчика передавалась от одного участка к другому, пока не отыскала несчастную. Почему-то я отчетливо запомнил ту ночную смену. Моя рация была включена, и я слышал, как оператор просил найти мать и рассказать, что ее мальчик утонул. Я слушал переговоры и все думал об этой женщине.

Вот, пока еще она пребывает в неведении. А узнает обо всем минут через пять. И эти пять минут ее жизни бесценны, потому что это последние минуты, когда она еще счастлива. Наверняка даже сама не подозревая, что счастлива. Может, именно в этот момент она недовольна зарплатой, или рабочим графиком, или плохими оценками сына. Сейчас ей расскажут, и ее жизнь разделится надвое – на до и после этого известия. И она поймет, что на самом деле еще минуту назад была счастлива.

Я недавно передачу смотрел, посвященную композитору Александре Пахмутовой. Девочкой 22 июня 1941 года она участвовала в детской музыкальной олимпиаде, в одном из концертных залов Сталинграда. Играла музыка, и дети были в восторге. Потом кто-то из взрослых вышел на сцену и объявил, что началась война и что концерт отменяется. Война – это на самом деле беда, но зачем было прерывать концерт? Разве немцы уже подходили к городу? Пускай бы дети еще играли, пару лишних часов детства им бы не помешали.

Помню, через полгода мы стояли с этой женщиной и вместе ждали рабочую электричку. И вспоминаю, как она, заливаясь, хохотала над каким-то пустым анекдотом. Тогда я еще про себя отметил: «Она способна вот так

смеяться через полгода после смерти сына». Тогда для меня это было откровением.

Когда человек говорит тебе о любви, то, скорее всего, ему от тебя что-то нужно. Может, он даже сам не понимает, что именно. Может, ему просто хорошо с тобой. Мы эгоисты. В любом случае человек будет думать о себе, о своем благополучии и удовлетворении, а любовь все-таки подразумевает другое. Любить, в моем понимании, значит быть способным ради любимого чем-то жертвовать, ну хотя бы тем же комфортом. И вообще любовь жертвенна. Иногда в разговоре я указываю собеседнику на распятие и спрашиваю:

– Крест на груди – это символ. Как вы думаете, символ чего?

Мне часто отвечают: крест – это символ смерти, – и никогда, что крест – символ любви.

***

Однажды звонит мне молодая женщина, по голосу лет 30. У них дача где-то здесь, в наших местах. А звонит: мама у нее умерла. Незадолго до смерти покойная хотела прийти к нам на службу – болезнь не позволила. Умирая, просила дочь обязательно отпеть ее в нашем храме.

– Ну, раз человек об этом просил – отпоем обязательно.

– Батюшка, а сколько стоит у вас отпеть?

Я сказал ей, какое мы просим пожертвование. В ответ молчание. Продолжаю:

– Если для вас это много, тогда сколько сможете.

– Нет, батюшка, мы люди обеспеченные и у нас вопрос о деньгах не стоит. Просто то, что вы сейчас озвучили, это унизительно мало. Поймите, моя мама стоит значительно дороже!

Она именно так и сказала: «стоит».

– Позвольте, я пожертвую ну хотя бы раз в пять больше. Мне даже, знаете, не по себе. Я сама нотариус, и что же получается: моя самая дешевая услуга стоит дороже, чем отпеть мою маму?!

Сколько помню, мы всегда старались обходиться по минимуму. Ведь и потребностей у нас куда меньше, чем в больших городах. Но мне в голову не приходило привязать размер пожертвования за отпевание к стоимости человеческой души.

А сколько она «стоит», наша душа? Кто способен назвать ее реальную «цену»? Душа богача дороже души бедняка? Смешно, а человек задело.

– Вы меня, пожалуйста, простите, я не собирался обидеть ни вас, ни вашу маму. Конечно, вы имеете право сделать пожертвование, а мы будем молиться.

Спустя двое суток я отпевал усопшую в храме. И, как мог, старался сгладить возникшую между нами неловкость. После отпевания дочь усопшей, та, что звонила мне накануне, подошла к свечному ящику и спросила:

– Так сколько, вы говорите, я вам должна?

Ей ответили, она рассчиталась. Сказала спасибо и ушла.

Прошло всего два дня, и вот уже на пожертвовании никто не настаивает. Значит ли это, что за два дня мама в глазах самых близких людей «подешевела» в пять раз? Тогда я подумал: сколько же она будет «стоять» через 40 дней? А через год? Не сравняется ли ее «цена» с самой маленькой свечкой, что ставят у нас на канон?

Но было же это желание в первые минуты после маминой смерти сделать для нее, такой единственной и горячо любимой, что-то выходящее за пределы рационального мышления. Это и есть то самое, что отцы называют «намерением». «Господь, – говорит святитель Иоанн Златоуст, – и намерения целует». Они на самом деле стоят того, чтобы их поцеловали.

***

Но там, где жизнь заканчивается могильным холмиком, прекрасные порывы неизменно упираются в здравый смысл: а зачем? На самом деле, зачем переплачивать там, где от тебя и так ничего не требуют? Для людей, у которых весь мир имеет стоимостное выражение, это вопрос несправедливый.

Но прежде чем поставить свечу на подсвечник, даже самую маленькую, нужно войти в храм. Только войти потом будет трудно. Память о намерении не исчезнет и останется тревожить совесть.

Когда-то, много лет назад, мы только начинали восстанавливаться, и нам нужны были деньги, очень нужны. Случись бы это тогда, я бы, наверно, расстроился. Сейчас нет. Время прошло, и я понял, что восстановленный храм не самоцель. Главное – это сам процесс восстановления, причастность к

нему. И еще я заметил, что далеко не каждому позволяют в нем поучаствовать.

Бывает, примчится человек в церковь с какой-то сиюминутной проблемой. Потом она решается, и он в порыве благодарности хочет немедленно рассчитаться с Господом. Находит настоятеля и предлагает, например, подарить звонницу или купить в храм икону за совершенно непозволительные деньги.

Раньше я такому предложению только бы радовался, а сейчас прошу немного подождать, хотя бы пару недель. За это время страсти в его душе поулягутся, и он начнет рассуждать спокойно. Если желание не исчезнет, можно разговаривать дальше, если исчезло – значит, это не тот человек.

Представляю: зайдет потом такой «благодетель», посмотрит на иконы, написанные за выморочные деньги, и скажет себе: «Ну кто тебя за язык тянул? А поп хитрец, подловил в минуту слабости». И будет последнее хуже первого. Пускай храмовый иконостас напишется на пару лет позже, чем бы хотелось, но именно теми, кому это предназначено.

***

История с гибелью Татьяны случилась много лет назад, и я не думал, что она получит такое неожиданное продолжение.

К нам в храм вместе с родителями все эти годы иногда приходила очаровательная девчушка лет семи.

Я вообще люблю детей, а этот ребенок, в отличие от других, еще и умела задавать вопросы. Даже повзрослев и отдалившись от храма, она продолжала просить меня о встречах и на разговор, точно прилежная ученица, приходила с тетрадкой для записей. Наверное, ей нравилось и то,

что мы разговаривали с ней на равных. Во всяком случае, спорить со мной она не стеснялась.

В последнюю нашу встречу она рассказала о своем друге. Он старше ее и уже учится в институте.

– Мой друг очень несчастен. Я пыталась говорить с ним о Боге, а он взял и закрыл мне рот ладонью. Для него Бог – существо жестокое и беспощадное. Недавно он рассказывал мне историю своей семьи. Батюшка, я его слушала и плакала. И тоже начинаю верить в то, что и вы, и родители меня обманывают!

Бог нас не любит, иначе он бы не сделал его сиротой, убив маму, кстати, прямо возле церкви, не сломал бы в тот же год позвоночник его отцу и не заставил бы их с бабушкой и сестрой фактически голодать.

Я знаю, вы мне не ответите, потому что вам нечего ответить. Наверно, зря я это затеяла, и все-таки прежде чем окончательно снять с себя крест, я решила прийти сюда в последний раз и дать вам шанс.

Маленькая и решительная, словно изготавившийся к бою воробышек, она сидела, опершись на стол стиснутыми кулачками, и ждала.

– Я понимаю твоего друга: если он перестанет обвинять Бога, ему придется винить отца. А отец – это единственное, что у него осталось. А тебе, раз ты ставишь вопрос так принципиально, я дам ответ.

И беспощадно, в деталях рассказал, как погибла Татьяна; как пытался, забыв о детях, покончить с собой его папа; как, оставшись без средств к существованию, отказалась от нашей помощи его, уже покойная, бабушка.

Моя собеседница, сама не ожидая, попала в одну самых болевых моих точек, потому что я никогда не забывал эту семью. Она сидела напротив меня с широко открытыми от удивления глазами и молчала. Потом, потрясенная, так же молча встала и вышла из храма.

Мой маленький друг, я знаю: решение снять крест ты приняла еще задолго до нашей встречи. Хотя твои многочисленные друзья не «заморачиваются» и продолжают его носить, правда, я не припомню, чтобы когда-нибудь видел их в храме.

Ты равнодушный ищущий человек, ты настоящий человек. И знаешь, я не сомневаюсь: придет время, ты снова будешь его носить. Потому что ты ищешь истину, а кто ищет, тот обязательно ее находит.

Поверь мне, это не я сказал.

Источник: Православие. Ру